

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ю. А. Крашенинникова

Проблематизация роли экспертизы в демократической модели

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Krasheninnikova.pdf>

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Ю. А. Крашенинникова

Проблематизация роли экспертизы в демократической модели политического устройства

Современное государственное управление и публичную политику невозможно представить без процедур экспертизы принимаемых решений и независимой оценки деятельности властей со стороны представителей научного сообщества.

Тот факт, что эксперты, - носители и производители специального знания, необходимого для эффективного управления общественной жизнью, - являются неременными участниками процесса принятия решений, принимается всеми заинтересованными сторонами (властью, гражданами и учеными) как очевидный и неизбежный. Законное право экспертизы на существование в ранге авторитетной и властной силы обычно основывается на факте постоянного усложнения социально-экономической реальности, росте значения технических аспектов жизнедеятельности. Более того, в качестве общественной функции существования экспертного сообщества и в научном дискурсе, и в медийном пространстве обычно называется обеспечение реализации демократических принципов, гарантия от произвола, который является следствием недостаточной компетентности выборных политиков в многообразии вопросов управления и коррупции государственной бюрократии.

Однако, как справедливо замечает один из ведущих исследователей современной науки, швейцарский процессор Хельга Новотни (Helga Nowotny), «никогда ранее научная экспертиза не была столь

распространенной и необходимой, но в то же время столь подвергаемой критике. Она используется одновременно как признак научно обоснованного рассуждения для штампованных рекомендаций вроде «наука говорит – это хорошо или плохо для вас», которые выдаются потребителям и гражданам, и как ценный политический ресурс для легитимации противоположных взглядов».¹

Отдельную проблему экспертиза представляет для демократической теории. Строго говоря, право экспертов на власть входит в противоречие с идеалами либеральной демократии, понимаемой как реализация принципов народовластия и нейтральности государства по отношению к любым частным мнениям. Более того, классические принципы разделения властей не предполагают никакой самостоятельной экспертной власти, легитимной с точки зрения организации демократического устройства человеческого общежития, ни институциональных форм для ее существования.

Закономерно, что для дисциплин, исследующих различные аспекты взаимодействия науки и власти, - политической теории, социологии знания, государственного управления, - возникает необходимость уточнения, является ли экспертиза необходимым элементом управления в демократическом государстве или представляет угрозу для базовых его принципов?

Собственно, такая проблематизация роли экспертизы в демократической модели политического устройства, так, как она представлена в западной научной периодике последних лет, и находится в центре внимания данной статьи. Нас интересовали только те позиции, в которых встраивание экспертного знания в систему властных отношений в качестве несущего ее элемента рассматривается с нормативной точки зрения, исходя из представлений о соответствии существующей практики управления демократическому идеалу.

При этом мы оставляем в стороне фундаментальную политико-философскую дискуссию о соотношении власти и знания в эпоху Современности, а также многочисленные варианты теории «экспертократии», представляющие власть экспертов как особую форму меритократии и даже тоталитаризма, акцентирующие внимание на том, что экспертиза по определению представляет угрозу свободе мысли, так как именно эксперты формируют и навязывают обществу смыслы,

---

¹ Nowotny H. Transgressive Competence. The Narrative of Expertise // European Journal of Social Theory 3(1), p.6.

понятия и язык. Стоит лишь отметить, что данные направления критики являются наиболее серьезными вызовами для современной демократической теории и заслуживают отдельного рассмотрения.

Проблема соответствия деятельности экспертов принципам либеральной демократии принадлежит новейшему времени, как и сам феномен обязательной экспертизы государственного управления. В классическом либерализме вплоть до XIX в. гарантом компетентности граждан в управлении государством служила сама природа гражданина. Идея свободного государственного устройства подразумевала, что граждане, принимающие участие в обсуждении политических вопросов, компетентны и образованы, что каждый из них способен постичь суть общественных процессов и принять правильное решение. Другое дело, что благодаря действию имущественных и иных цензов возможностью избирать и быть войти в состав органов власти обладала лишь незначительная часть населения, остальные же и не являлись гражданами в полном смысле слова.

Теоретический вопрос о необходимости и легитимности власти экспертов возникает лишь в XX веке, то есть с практическим вхождением масс в текущую политику, с введением всеобщего избирательного права. Именно в демократической политике власть экспертов появляется как необходимый элемент управления, а социальные науки в развитых странах входят в число обязательных инструментов повышения качества управления жизнью общества. Экспертиза, с одной стороны, снимает трудности, связанные с непрофессионализмом и некомпетентностью граждан, с другой - вводит новое противоречие, которое способно взорвать модель либеральной демократии изнутри, так как по сути это — антидемократическое решение проблемы.

Конкретизируя рамки проблемы, следует также подчеркнуть ее отличие от вопроса о роли профессионалов и необходимости выделения в современном обществе групп специалистов, которые дают некие оценки и рекомендации гражданам, задают стандарты и вычисляют последствия решений в силу своей компетентности. Так, американский исследователь Стивен Тернер (директор Центра социальной и политической мысли в Университете Южной Флориды) выделяет пять типов экспертов в современном обществе. Лишь два из них могут напрямую рассматриваться сквозь призму возможных угроз демократии.² Типология

---

² Turner St. What is the Problem with Experts? // Social Studies of Science 31/1 (February 2001). pp. 130-144.

Тернера основана на различиях существующих вариантов когнитивной власти (cognitive authority) по характеру легитимации, поддержки и аудитории, которой адресована деятельность экспертов.

Деятельность первых трех типов не затрагивает область политических решений. Это «*физики*», экспертиза которых обычно признается всеми, легитимность основана на возможности универсальной апробации их знания, а поддержка осуществляется самим научным сообществом на основе сертификации и саморегуляции. Второй тип — «*теологи*»: их мнения и оценки принимаются только особыми группами, признающими их власть («сектами»), а не обществом в целом. *Третий тип* — эксперты, чья личная экспертиза проверяется и принимается отдельными индивидами, частными лицами (например, авторы книг из серии «помоги себе сам»). Они сами создают свою аудиторию, их легитимность определяется успешным представлением своих заслуг и достижений.

Два последующих варианта экспертизы напрямую касаются процессов принятия политических решений, однако один из них происходит на глазах у публики, второй — остается за кадром. Эксперты четвертого типа адресуют свои мнения обществу в целом, но поддержку они получают от частных групп, заинтересованных в принятии общественностью их экспертных суждений как достоверных и надежных. Стратегия существования этих экспертов — не убеждать напрямую публику в ценности своих услуг или советов, а добиваться публичного признания через их принятие политиками, лоббистами, лидерами общественных мнений, участвующими в формировании государственной политики. Именно эти эксперты фигурируют в массмедиа в качестве той «общественной» силы, которая оценивает и направляет в нужную сторону действия государства (политологи, социологи, экономисты).

Пятый тип экспертов — это представители социальных наук, которые обеспечивают профессиональную подготовку чиновников и в дальнейшем консультируют их по вопросам управления. Их легитимность и поддержка не зависят от общественности. Как отмечает Тернер, обычно они даже неизвестны широким слоям населения. По узости своей целевой аудитории эксперты пятого типа напоминают «теологов», но, в конечном счете, транслируют свои мнения на все общество в целом, и именно поэтому их деятельность создает наибольшие трудности в плане соответствия либерально-демократической модели политики.

Заметим, что вряд ли на практике граница между четвертым и пятым типами экспертов такая жесткая, как полагает Тернер. Однако в целом данная типология наглядно показывает разницу между проблемой авторитета профессионалов в современном обществе, которая относится скорее к области социальной и индивидуальной психологии, - и политической проблемой включения представителей научного знания в процесс формирования публичной политики.

Как проблематизировать экспертизу?

Какие же непосредственные проблемные точки существуют во власти экспертов в демократическом обществе? В чем проявляются пороки управления с помощью прослойки социальных ученых, выступающих в качестве советников власти? На эти вопросы можно выделить, по крайней мере, четыре вариации ответов, часто тесно взаимосвязанных.

1. Во-первых, это проблема вытеснения простых граждан из участия в государственном управлении.

Эксперты создают барьеры между обычными гражданами и политическими демократическими институтами, не позволяют мнениям общества воздействовать на центры принятия решений. С точки зрения данного направления критики, по выражению Альберта Дзура, положение экспертного знания в политической жизни можно сравнить с функцией диагностических приборов в медицине. Как аппараты, которые говорят врачу о пациенте больше, чем он сам, технократы способны оценить и передать общественные нужды для власти лучше, чем сами члены общества. Как диалог с пациентом становится скорее «проявлением вежливости, чем орудием диагностики для врача, так и публичное обсуждение требуется только в символических формах, как телевизионные «муниципальные собрания», т.к. политики уже знают все о пульсе общества из опросов общественного мнения».³

У граждан же, оттесненных от процесса принятия политических решений, возрастает абсентеизм, так как в эпоху господства технико-исследовательских процедур их основное демократическое право — право выбора правительства — не влияет на саму государственную политику. Под каким бы знаменем, с какой бы идеологической программой не пришли к власти политики, дальше их решения будут определяться экспертными мнениями и суждениями. Как отмечает Стив Рейнер

---

³ Dzur A. W. Professionals vs. Democracy? Reexamining the Critique of Technocratic Expertise // Papers delivered to the 2003 Annual Meeting of APSA, August 28-31, 2003, p.8.

(директор исследовательской программы ESRC Science in Society Programme, Оксфордский университет), рост доверия правительств к экспертным техникам и формальным процедурам принятия решений во всех аспектах общественной жизни сопровождался упадком электорального участия во многих развитых странах, особенно в США и Великобритании.⁴

2. Вторая основная опасность экспертизы - нарушение основного демократического принципа подотчетности властей.

Она основана на констатации факта отдаленности экспертов от простых граждан и отсутствия общественного контроля над их действиями. Как отмечает американская исследовательница роли науки и технологии в демократическом управлении Шейла Ясановф, экспертиза в современной демократической модели может рассматриваться как одна из форм «делегированной власти, аналогичной той, что законодательные учреждения наделяют административные органы».⁵ Однако, в отличие от назначаемых чиновников, правильность решений экспертов не может быть оценена обществом, т.к. оно состоит из непрофессионалов, по определению менее компетентных, чем сами эксперты.

Отметим, что даже в таком «мягком» варианте проблемы, где не обсуждается легитимность самой передачи власти экспертам, остро звучит вопрос о превышении экспертным сообществом предоставленных ему полномочий. По словам Ш.Ясановф, «вопрос в том, что именно демократическая публика делегирует экспертам. Она не дает им право участвовать в принятии решений. Экспертам предоставляется только строго ограниченная власть говорить для общества по определенным вопросам, когда требуется их суждение».⁶

Другое преломление нарушения экспертами принципа подотчетности властей подчеркивает С.Тернер, опираясь на свою типологию когнитивной власти. По его мнению, оно кроется во влиянии экспертов на решения невыборных чиновников: «Проблема экспертного знания, с которой сталкиваются теоретики демократии, должна быть понята не как следствие характера экспертного знания самого по себе (и его предполагаемой недоступности для масс), а сектантского характера тех

---

⁴ Rayner S. Democracy in the age of assessment: reflections on the roles of expertise and democracy in public-sector decision-making // Science and Public Policy. June 2003, vol.30, □ 3, p.164.

⁵ Jasanoff Sh. (No?) Accounting for expertise // Science and Public Policy. June 2003, vol.30, □ 3, p.158.

⁶ Ibid.

видов экспертизы, которые влияют на бюрократический процесс принятия решений». Поскольку значительная доля политической власти в современных демократических режимах лежит в дискреционных действиях бюрократов, «контроль над бюрократией со стороны секты может означать отказ от оснований либеральных режимов». Наиболее опасно в данном случае, на его взгляд, отсутствие общественного контроля над экспертизой - «тот факт, что сами бюрократы не избираются напрямую и не обращаются к обществу для своей легитимации, означает, что не существует прямых связей общества и экспертов».⁷

3. Мироззренческий фундамент авторитета экспертизы, — убеждение в превосходстве рациональных, научных методов управления, — не сочетаем с природой демократии как коллективного, а потому всегда содержащего элемент непредсказуемости процесса принятия решений.

Причем речь идет даже не об идеальной прямой демократии всеобщего участия, но о применяемой к объяснению современной политической жизни трактовке демократии как компромисса элит или электорального рынка (рынок ведь тоже является «свободной стихией»). На фоне аналитических методологий управления легитимность таких «иррациональных» процедур принятия решений, как торг, пакт, переговоры, становится более слабой.⁸ Встревоженные критики прямо говорят о «деполитизации политики». Деполитизация проявляется как в процессе «выхолащивания» из политической жизни совещательных и соревновательных механизмов, так и в переводе политических проблем в технологические при их экспертном обсуждении. Область государственного управления все более дистанцируется от демократической политики и сводится к «менеджменту рисков». Об этом, в частности, пишет Шейла Ясановф применительно к американской системе последнего десятилетия.⁹

4. Современные технологии, а также противоречивость мнений экспертов дают практически неограниченные возможности для использования экспертизы в частных, корыстных интересах, для дополнительной легитимации принятых решений и манипулирования общественным мнением.

---

⁷ Turner St. Ibid., pp. 138-139.

⁸ Об этом, в частности, пишет Ф.Фишер: Fischer F. Technocracy and the Politics of Expertise. 1990, с.22.

⁹ Jasanoff Sh. Ibid.

Опыт функционирования экспертных структур при государственных органах, выдачи положительных экспертных заключений на сомнительные решения показывает, что миссия включения научного знания в систему государственного управления не только не выполнена — на практике экспертиза используется для целей, против которых она и была нужна. Исполнительная власть пытается подобрать нужных ей экспертов для формирования и оценки своих решений.

Кроме того, не стоит забывать о частных интересах самих экспертов, которые могут быть связаны с определенными политическими или бизнес-силами, а также о таких немаловажных «деталях», как мировоззренческая и политическая ангажированность ученых, накладывающая отпечаток на их суждения, и риск непрофессионализма, в том числе связанный с социальной оторванностью экспертов от простых граждан и искаженным пониманием их нужд. Вот, к примеру, какую картину социальных наук, привлекаемых к экспертизе государственных политик, рисует ДеЛеон: «В целом, обычные социальные дисциплины становятся элитной деятельностью, в которой по степени значимости служение демократии стоит на втором месте по сравнению с вассальной преданностью к государственным органам. Их традиционная методология все в большей степени отделяет аналитика от получателя обсуждаемых программ, тогда как они сами застенчиво отстраняются от сумятицы нормативных аспектов политики».¹⁰

В качестве примера упреков экспертов в ангажированности и отказа от подобающей им роли нейтральных поставщиков научно обоснованных суждений можно привести высказывание Эндрю Рича и Кента Уивера, касающееся деятельности «мозговых центров» в США, которые открыто используют свои специальные знания для идеологической и партийной борьбы: «Они вовсе не стремятся предоставлять взвешенную и объективную информацию, которой мог бы воспользоваться широкий круг тех, кто занят формированием государственной политики. Все это приводит к тому, что стираются традиционные различия между «мозговыми центрами» и группами интересов, что подрывает репутацию «мозговых центров» как источника нейтральных экспертных знаний».¹¹

---

¹⁰ DeLeon P. Democratic values and the policy sciences // American Journal of Political Science, Nov.1995. Vol.39. Iss.4, p.886.

¹¹ Рич Э., Уивер К.Р. Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов // Pro&Contra. Том 8, №2 (весна 2003), с. 66.

Как видим, даже самый предварительный, беглый анализ показывает, что власть экспертизы в современных либерально-демократических обществах может быть подвергнута критике с самых различных сторон: 1) из-за ее негативных последствий: экспертиза становится причиной «деполитизации политики» и нивелирования ценности фундаментальных процедур демократии; 2) из-за несоответствия демократическим принципам, в первую очередь подотчетности властей; 3) из-за отхода экспертного сообщества от идеальной модели экспертизы, приемлемой для демократических режимов.

Заметим, что позиции упомянутых выше авторов, по сути, не являются радикальной критикой существующей системы взаимоотношений власти и знания в современном обществе. Они так или иначе признают необходимость экспертизы в государственном управлении или исходят из принятия ее как существующего и неизбежного факта. Представляется, что данная проблематизация служит для того, чтобы найти пути примирения экспертизы с демократией, сделать ее подлинно легитимной, не противоречащей принципам демократической модели политического устройства.

Для какой демократии экспертиза является проблемой?

На наш взгляд, среди мнений и позиций в отношении этой проблемы выделяются два основных подхода, которые условно можно обозначить как «*нормативный*» и «*реалистический*». Для них присуще различное понимание **центральной сложности экспертизы**. В одном случае - это противоречивость власти экспертов принципу народовластия, фактическая узурпация «трона», во втором – неэффективность экспертов, обусловленная их недостаточным профессионализмом (отсюда – конфликты между «медийными» экспертами и представителями научного сообщества, участвующими в процессе принятия политических решений, выработке государственной политики) или чрезмерной политической ангажированностью. Нетрудно заметить, что различные подходы коррелируют с разными трактовками самой демократии: как демократии участия, коллективного принятия решений в интересах всех - или как «шумпетерианской» представительной демократии с обязательным элитистским элементом, в которой функция граждан сводится к роли «покупателей» на электоральном рынке.

В «реалистической» модели фиксируется тот факт, что право экспертов на власть можно подвергнуть сомнению только с точки зрения их компетентности, но не соответствия принципу абсолютного равенства.

Иными словами, можно лишь оценить, насколько хорошо они выполняют свою миссию интеллектуального обеспечения управления, направленного на его максимальную эффективность. Парадокс состоит в том, что массовом демократическом обществе компетентность фактически стала эксклюзивным, «приватизированным» правом экспертов, которые по определению обладают большей информацией, чем неспециалисты, и способны выносить более рационально обоснованные суждения по вопросам своей специализации. Поэтому профессионализм экспертизы, которая «держит на своих плечах» всю систему демократического управления, зависит в первую очередь от корпоративной этики самих представителей научного сообщества.

Для сторонников «нормативной» модели не очевиден знак равенства между научным социальным знанием, в том числе возможностью определять закономерности развития общества, и представлением о том, что есть *благо* для *данного* политического сообщества, то есть моральным знанием или общественным мнением/волей, которые являются единственным источником легитимности. Следовательно, по их убеждению, роль эксперта должна быть низведена до инструмента принятия отдельных управленческих решений.

Этот водораздел можно наблюдать в известной заочной полемике 1920-х годов между родоначальником американского прагматизма, философом Дж.Дьюи и публицистом, социологом У.Липпманом, автором книги «Общественное мнение». С точки зрения последнего, основным недостатком и слабостью народного правления является «неспособность людей, действующих на основе самоуправления, преодолеть свой случайный опыт и предрассудки путем изобретения, создания и организации механизма знания».¹² Это — следствие «субъективизма человеческого мнения, основанного на ограниченности индивидуального опыта».¹³ Вместо идеала рационально мыслящего индивида Липпман видит в современной ему Америке апатичного и невежественного обывателя, который становится добровольной жертвой манипуляций со стороны политиков, а выдаваемое за последнюю истину общественное мнение не отражает реальной картины происходящего.

---

¹² Липпман У. *Общественное мнение*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004 г., с.338.

¹³ Там же, с. 364.

В поисках средства избежать разрушения демократии, Липпман предлагает современную, технократизированную версию платоновской модели идеального государства, руководимого философами-царями. Не случайно знаменитое описание пещеры из «Государства» Платона он выносит в качестве эпиграфа к своей книге. Суть его решения проблемы – в том, чтобы между «гражданином и обширной средой, в которую он включен, стоял эксперт». Целью системы «организованного интеллекта» является бесперебойное обеспечение политиков и государственных служащих переработанной информацией, необходимой для понимания ими общества и принятия правильных решений. Условиями эффективности экспертов, работающих на благо государства, Липпман называет финансовую независимость от непосредственных потребителей их знания, доступ к фактам и незаинтересованность – то есть неучастие в самом процессе принятия и реализации решений.

Критикуя Липпмана, Дж.Дьюи обращает внимание на то, что тот, следуя Платону, подменяет идею эксперта идеей философов как обладателей знания, недоступного массам, и, следовательно, в корне неверно подходит к решению проблемы демократического невежества. Ведь эксперт, уточняет Дьюи, это технический специалист, а не правитель: «... продемонстрировать свои особые умения и знания эксперты должны не на ниве формирования и осуществления политических стратегий, а в области обнаружения и популяризации тех фактов, от знания которых зависит любая политика».¹⁴ Если же рассматривать экспертов как правителей, то невозможно избежать опасности утраты ими достоверного знания об обществе: «Высоколобые не в силах монополизировать знания того рода, которым надлежит пользоваться при регулировании дел общества. Выделяясь в особый класс, они утрачивают возможность получать представление о тех потребностях, которые им надлежит обслуживать».¹⁵

Своей ответ проблеме невежества и некомпетентности простых граждан Дьюи дает в формуле совещательной демократии: в самом процессе обсуждения политических проблем граждане становятся более образованными. Делиберативная практика улучшает их способности к ясному суждению и исследованию; она позволяет им выражать просвещенные избирательные предпочтения и, что наиболее важно,

---

¹⁴ Дьюи Дж. Общество и его проблемы, с. 152.

¹⁵ Там же, с. 150.

побуждает их принять участие в политических дебатах и состязаться в качестве информированных участников.¹⁶

По словам австралийского исследователя Дж.Драйзека, прагматизм, который является одним из истоков современной теории делиберативной демократии, признает целостность усилий экспертов и непрофессионалов в решении проблем. Всякий процесс решения проблем — это экспериментальное исследование в условиях неопределенности и он предполагает много участников, а не одинокого мыслителя.¹⁷

Собственно, теория делиберативной демократии и предлагает наиболее очевидный рецепт лечения демократической «болезни», связанной с неизбежностью обращения управленцев к научному знанию, и приведения экспертизы в соответствие с принципами народовластия. Он состоит в жестком ограничении ареала действий экспертов и функционировании самого экспертного сообщества в соответствии с демократическими нормами прозрачности и совещательности. Экспертиза легитимна только в том случае, если виден ее условный, договорной характер, и открыты двери для критического обсуждения. А.Гутманн и Д.Томпсон в своей книге «Почему делиберативная демократия?» описывают данное требование следующим образом: «Граждане обоснованно полагаются на экспертов, если те описывают основания своих заключений таким образом, что граждане могут их понять, а также, если граждане имеют некоторые независимые основания полагать, что эксперты заслуживают доверия (например, прошлый опыт достоверных суждений или структура принятия решений, в которой есть сдержки и противовесы со стороны экспертов, занимающих критическую позицию в отношении остальных)».¹⁸

Однако данное условие позволяет снять лишь теоретическое напряжение, связанное с «антидемократичностью» экспертизы, но вряд ли дает полное решение проблемы. Задача приведения существующих практик экспертного участия (в процессе выработки государственных политик) в соответствие с принципами прозрачности и плюрализма может быть сопряжена в реальности с ухудшением качества экспертизы -

---

¹⁶ Подробнее см.: Ralston Sh. J. Deliberative Democracy as a Matter of Public Spirit: Reconstructing the Dewey-Lippmann Debate // http://www.american-philosophy.org/archives/2004_Conference/submissions/publicspirit.htm.

¹⁷ Dryzek J.S. Pragmatism and Democracy: In Search of Deliberative Publics // Journal of Speculative Philosophy, vol.18, □ 1, 2004. p.72.

¹⁸ Gutmann A. and Thompson D. Why Deliberative Democracy? Princeton University Press, 2004, p.5. Цитируется по: <http://www.pupress.princeton.edu/chapters/s7869.pdf>.

снижением ее эффективности и быстроты. А поскольку эффективность является основной ценностью экспертной деятельности, то ее снижение грозит вызывать естественное сопротивление со стороны системы государственного управления.

На прикладном уровне эта сложность проявляется в реализации широко обсуждаемой идеи «*демократизации экспертизы*», то есть привлечения к экспертным процедурам непрофессионалов. Как пишет ДеЛеон, «теоретически, социальные дисциплины должны пересмотреть тщательно простроенные границы сферы экспертизы, или, другими словами, преодолеть свое нежелание включать обычных граждан в технические процедуры обсуждения правительственных программ».¹⁹ «Демократизирующаяся экспертиза является важным компонентом гарантирования надлежащих правовых процедур... Только если «башня из слоновой кости» откроется, и эксперты выйдут на «агору», можно будет понять, какие элементы они предоставляют для формулировки и внедрения политических решений, и как эти элементы сейчас используются», - утверждают А.Либераторе и С.Фантович.²⁰

Мысль о том, что придать власти экспертов необходимую легитимность можно, «разбавив» ее мнениями демократического большинства, получает все больше сторонников, в том числе среди самих экспертов и государственных функционеров в ведущих западных странах. Вместе с тем, сами процедуры «демократизации», которые сейчас внедряются на практике, вызывают сомнение с точки зрения эффективности и легитимности (на каком основании отбираются мнения простых граждан для экспертизы? как организовать продуктивную дискуссию между учеными, владеющими специальной терминологией, и непрофессионалами?). Например, профессор университета Брэнфорда (Великобритания) К. Радаэлли со скептицизмом оценивает намерение Европейской комиссии решить проблему демократизации экспертизы с помощью таких мер как регулирование включения экспертов в процесс управления ЕС или обеспечение каналов представления непрофессионального знания (например, уравнивая советы экспертов с исследованиями общественного мнения и увеличением участия обычных граждан). Его основной тезис — если мы хотим

---

¹⁹ DeLeon P. Ibid., p.886.

²⁰ Liberatore A., Funtowicz S. «Democratising» expertise, «expertising» democracy: what does this mean, and why bother? // Science and Public Policy. June 2003, vol.30, □ 3, p.147.

демократизировать экспертизу, то необходимо вообще уйти от регулирования советов и знания, производимых экспертами.²¹

С учетом того, что попытки предложить теоретические и практические способы снятия противоречий между экспертизой и демократической моделью политического устройства наталкиваются на новые вопросы, в дискуссиях на данную тему наиболее устойчивой выглядит позиция тех, кто призывает рассматривать проблему как ушедшую (или уходящую) в прошлое. Согласно ей, поскольку ставка на научно-техническое знание в управлении обществом была явлением Современности, то пост-современный мир, изменяя практики структурирования научного знания и взаимоотношений граждан с властью, уменьшает существовавшее напряжение.

Так, Хельга Новотни не разделяет опасений в неконтролируемой власти экспертов над обществом, поскольку нарратив экспертизы становится все более расплывчатым в организациях различного рода: «Не существует реального шанса для любого типа научного института или консультативного совета вновь утвердить свои притязания на монопольный контроль научного авторитета. Научные элиты не могут контролировать потенциально неограниченные запросы на экспертизу и присущую ей трансгрессивность».²² Другой вариант объяснения можно найти у израильского политолога Ярона Эзраи, который еще раньше констатировал упадок всемогущества научного знания в либеральных демократиях, переставшего быть основным источником легитимации политических решений: «Рациональная невежественность» (или, как у Сократа, информированное незнание, которое не препятствует новому знанию) постепенно заменяет доверие к знанию как базис для поддержки порядка в эпоху децентрализованной политической власти — это произвольно разъедает истинный базис либерально-демократического инструментализма».²³

Завершая данный краткий обзор, не претендующий на полноту охвата точек зрения, проблематизирующих роль экспертного знания в демократической модели политического устройства, хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Как мы видим, даже в таком узком и наименее критичном сегменте интеллектуальной рефлексии по

---

²¹ Radaelli C. Democratising Expertise? // Paper delivered to the conference on La représentation dans l'Union européenne CERI - Sciences Po, Paris, 4 May 2001.

²² Nowotny H. Ibid., p.19.

²³ Ezrahy Y. The Decent of Icarus: Science and the Transformation of Contemporary Democracy, 1990, p.288.

поводу совместимости власти знания с ценностями либеральной демократии, ставятся серьезные вопросы о критериях экспертизы, о снижении напряжения между господством социальных наук в государственном управлении и демократией в ее нормативном измерении.

Изучая экспертизу применительно к общественной и политической жизни, следует иметь в виду, что это сложное, многоуровневое явление, которое само определяет дискурс и интеллектуальную рефлексию о себе. Иными словами, попытка осмыслить влияние экспертного знания на общественно-политические процессы и властные взаимоотношения неизбежно оборачивается обращением исследователя, ученого-обществоведа к вопросу о возможности собственного влияния на власть. В результате этого научное исследование о роли экспертизы в каком-то смысле приобретает характер политического документа.

В связи с этим очень симптоматично различие в доминирующих взглядах на политическую роль экспертов в западных и российских интеллектуальных кругах. Западные социальные науки обеспокоены отсутствием полноценного публичного контроля над деятельностью экспертов. Происходит проблематизация экспертизы в нормативном ключе: легитимность власти экспертов оценивается с точки зрения соответствия демократическим принципам, хотя основная проблема понимается по-разному, в зависимости от понимания сути демократической модели.

При обращении к российскому публичному и научному дискурсу создается иное впечатление. В качестве предварительного замечания, нуждающегося в уточнении, рискну предположить, что вместо общественного контроля над экспертами в качестве центральной проблемы для российских интеллектуалов сейчас является *проблема экспертного контроля над властью*. В рисуемой ими картине демократической политики эксперт находится, условно говоря, в авангарде гражданского общества, исполняя роль наиболее компетентного критика государства. Соответственно, центральную озабоченность отечественных социальных наук вызывает слабое влияние интеллектуалов на принятие политических решений.

Почему же вопрос об общественном контроле над экспертами в России не ставится? Потому ли, что общественные и политические проблемы, возникающие из-за научной деятельности (наиболее яркие примеры - клонирование, генетически модифицированные продукты и т.д.) для нас не так актуальны, как на Западе? Или из-за отсутствия

второй части проблемы, т.е. четкого понимания ценностей демократической модели и реальных демократических практик, которые необходимо защищать? Возможно, поиск ответа на эти вопросы поможет российским интеллектуалам, выступающим в роли экспертов при формировании государственной политики или желающим выступать в этой роли, более четко осознать свою миссию.